

надобно, кажется, предположить, что это были остатки древняго монотеизма, бывшаго, по изслѣдованіямъ ученыхъ, до времени всеобщю религіею всѣхъ народовъ.—Разселяясь изъ Арама и Месопотаміи, они въ раздѣленіи большею частію утрачивали вѣру въ чистый монотеизмъ и, смѣшиваясь съ Хамитами, впадали въ идолопоклонство; но, какъ видно, нѣкоторыя племена сохраняли болѣе или менѣе чистую вѣру въ единаго Бога.—Вѣчнаго. Подобные примѣры видимъ мы въ Мельхиседекѣ, жившемъ между Хананейцами, въ Валаамѣ, призванномъ изъ Месопотаміи, откуда вышелъ и Авраамъ и гдѣ жилъ долгое время Іаковъ.

II. О книгѣ Псалмовъ.

Въ Еврейскомъ языкѣ нѣтъ слова, которое бы вполне, характеристически, обозначало составъ пѣсней, извѣстный подъ именемъ книги Псалмовъ. Названіе ея *Сеферъ Тегилимъ* не выражаетъ вполне того, что имъ обозначается, такъ какъ *тегила* значитъ собственно *хвала, хвалебная пѣснь*, въ честь и славу Іеговы; *сеферъ тегилимъ* означаетъ поэтому составъ только хвалебныхъ пѣсней,—т. е., нѣкоторую часть нашей Псалтири. Конечно, всѣ псалмы, не смотря на различіе ихъ содержанія, имѣютъ общую цѣль—хваленіе и прославленіе Бога; но это уже *locus topicus*, въ оправданіе древняго названія книги Псалмовъ, въ которомъ самая книга, конечно, не нуждается, потому что отъ такого или другаго названія она ничего ни теряетъ, ни приобретаетъ. А что это названіе книги не точно, видно изъ того, что сами священные поэты, пѣснопѣнія которыхъ составляютъ книгу псалмовъ, а равно и позднѣйшіе собиратели этихъ пѣснопѣній и составители нашей книги Псалмовъ, въ настоящемъ ея видѣ, даютъ различное названіе различнымъ частямъ книги и различно называютъ самыя произведенія или пѣсни, заключающіяся въ ней. Между этими названіями есть и слово *тегила* въ надписяхъ лишь нѣкоторыхъ только псалмовъ (144), а это значитъ, что этимъ словомъ означаетъ лишь извѣстный видъ псалмовъ, а не всѣ псалмы, которые имѣютъ и другія названія, выраженные въ надписаніяхъ псалмовъ. Такъ, по окончаніи 71 псалма дѣлается такое заключеніе: „окончились молитвы (тефиллотъ) Давида, сына Іессеева“. Здѣсь, очевидно, всѣ псалмы Давида, до 71-го называются общимъ именемъ „молитвъ“. Въ оправданіе такого названія, въ сопоставленіи

съ общимъ названіемъ *тегиллимъ*, говорятъ, что и въ самыхъ хваленіяхъ заключается молитва и въ молитвѣ содержитсяъ хваленіе, и, значить, слова эти можно принимать въ одномъ смыслѣ. Можетъ быть и такъ; но дѣло въ томъ, что ни одно изъ этихъ словъ, значить, не составляетъ характеристическаго названія книги. Что названіе *Тегиллотъ* въ строгомъ смыслѣ не выражаетъ состава псалмовъ Давидовыхъ до 71, это видно изъ того опять, что этимъ словомъ означаются въ надписаніяхъ лишь нѣкоторые псалмы Давида (16); значить, опять приличествуетъ оно лишь извѣстному виду псалмовъ Давидовыхъ, а не всѣмъ; такъ какъ другіе носятъ въ надписаніяхъ другія наименованія. Эти другія наименованія слѣдующія: а) *микеттамъ*—(15. 55—59), *масеппилъ* (31, 41, 43, 44. 51—54 и др.),—*мизморъ*,—это названіе (мизморъ) имѣетъ большая часть псалмовъ, именно 57-мъ, и, наконецъ, нѣсколько псалмовъ называются *ширъ* въ соединеніи съ какимъ-либо другимъ названіемъ, особенно съ послѣднимъ изъ сказанныхъ. Почти каждый изъ псалмовъ имѣетъ какое-либо изъ означенныхъ названій и лишь немногія не имѣютъ никакого наименованія. Отсюда видно, что ни *тегиллимъ*, ни *тегиллотъ* не означаютъ и не могутъ означать дѣлаго состава псалмовъ въ нашей книгѣ, и если первое дается всей книгѣ, а второе одной дѣлой части ея, то эти названія лишь условныя, а не необходимыя, какъ не характеристическія для означенія всего состава священныхъ пѣсней, составляющихъ псалтирь. Разсмотримъ эти частныя названія въ ихъ значеніи:

а) *Тегилла* значить, какъ замѣчено—*пѣснь*, содержащая *хвалу* и прославленіе кого-либо, особенно Бога, пѣснь, въ которой чувство поэта выражается въ радостномъ удивленіи божественнымъ совершенствамъ, въ ихъ проявленіяхъ въ мірѣ, и, вслѣдствіе того, въ восторженной хвалѣ.

б) *Тегилла* означаетъ собственно *молитву*, просьбу о чемъ-либо, пѣснь, въ которой священный поэтъ, сознавая несовершенство чего-либо вообще, проситъ Совершеннѣйшаго покрыть своимъ совершенствомъ несовершенство, значить пѣснь, въ которой выражается большею частію стремленіе примирить противорѣчія между святостію Бога и нечистотою человѣка, примирить прошеніемъ Божественной благодати или благодати и правды.

в) *Микеттамъ* LXX-тъ перевели словомъ *столпописание*. Вѣроятно, они читали *миккетавъ*, что значить *писанное*, написанное или *писаніе*; такъ переведено это слово и въ на-

шей русской псалтири. Но почему LXX-ть перевели не просто *писаніе*, а *столпописаніе*, сіе неизвѣстно. Толкователи этого надписанія говорятъ, что пѣсни эти названы такъ потому, что пророкъ Давидъ выставилъ ихъ какъ бы на столпѣ для потомковъ своихъ, и, значить, надписаніе это *указываетъ на нѣкія достопамятныя вещи, яже присно въ памяти содержатися достойни суть* (Св. Аѳанасій въ Толк. Псалт.). Нынѣшнее названіе—*микеттамъ* означаетъ, по изъясненію однихъ, нѣчто драгоцѣнное, золотое, и потому переводятъ это наименованіе псалма такъ: *золотая* или *драгоцѣнная пѣснь* Давидова, другіе же утверждаютъ, что это названіе означаетъ пѣснь, вылившуюся изъ глубокаго сокровеннаго чувства; значить, этимъ названіемъ выражается не извѣстное направленіе чувства поэта, напр., къ молитвѣ, къ прославленію, а собственно глубина самаго чувства, и только поэтому оно свойственно извѣстному виду псалмовъ. Въ пользу этого послѣдняго объясненія можно сказать вообще, что дѣйствительно псалмы, означенныя названіемъ *микеттамъ* отличаются особенною глубиною чувства священнаго поэта (15, 55—59).

г) Названіе *масептилъ* LXX-ть перевели—словомъ *разума* или *въ разумъ*; оно собственно значитъ наученіе, вразумленіе, въ приложеніи къ поэтическому произведенію,—пѣснь учительная, дидактическая, на школьномъ языкѣ.—Конечно, всѣ пѣсни, содержащіяся въ псалтири, служатъ къ наученію или вразумленію; въ извѣстномъ смыслѣ все Священное Писаніе служить къ наученію,—по выраженію Апостола Павла. Но если только нѣкоторые псалмы имѣютъ это названіе, а другіе называются иначе, то можно думать, что при написаніи только этихъ псалмовъ священные поэты имѣли особую, частную цѣль—научить, вразумить, показать извѣстный предметъ, какъ объ немъ должно мыслить, какъ его должно понимать. Содержаніе псалмовъ, имѣющихъ это названіе, общее, учительное и притомъ о разныхъ предметахъ не позволяетъ точнѣе опредѣлить понятія, какое они соединяли съ этимъ словомъ, и догадки здѣсь были бы, кажется, напрасны.

д) Названіе *мизморъ* LXX-ть всюду переводили словомъ *Ψαλμός*—*псаломъ*,—и, по общепринятому названію, всѣ пѣсни, входящія въ составъ разсматриваемой книги, суть псалмы, а самая книга называется *псалтирь*.—Греческое слово *ψάλλειν* означаетъ ударять по струнамъ смычкомъ или рукою на какомъ либо струнномъ музыкальномъ инструментѣ, потомъ вообще играть на этомъ инструментѣ.—*Ψαλμός* потому зна-

читъ ударъ по струнамъ, игру на струнномъ музыкальномъ орудіи; затѣмъ даны этому слову и другія значенія, дальнѣйшія, именно: имъ означается самый звукъ, происходящій отъ удара по струнамъ, — звукъ аккорда; потомъ, самая пѣснь, которая выигрывается на музыкальномъ инструментѣ. — Еврейское *мизморъ* не соотвѣтствуетъ вполнѣ этимъ значеніямъ слова *Ψαλμός*, хотя LXX-тъ постоянно переводили первое послѣднимъ; игра на музыкальномъ инструментѣ у Евреевъ означалась другимъ словомъ, *наганъ*, между тѣмъ въ надписаніяхъ псалмовъ встрѣчаются оба эти слова и *мизморъ* и *наганъ* въ сопоставленіи; очевидно, что они имѣютъ различныя значенія; и если *ψάλλειν* соотвѣтствуетъ собственно *наганъ*, то уже не *мизморъ* и, значить, переводъ этого послѣдняго слова словомъ *Ψαλμός* не совсѣмъ точенъ. — *Мизморъ* собственно значить *пѣніе* голосомъ, потомъ самая пѣснь, которая поется; игру же на инструментѣ не означаетъ это слово ни съ Еврейскаго, ни съ Халдейскаго; и только потому, что при богослуженіи пѣніе псалмовъ у Евреевъ сопровождалось иногда игрою на музыкальныхъ инструментахъ, это слово можно перевести словомъ *Ψαλμός*. — Что *мизморъ* не значить собственно игры на инструментѣ, — это видно еще изъ того, что въ надписаніяхъ говорится иногда: *псаломъ* Давидовъ, — на такомъ-то музыкальномъ инструментѣ, — и, наконецъ, изъ того, что не всѣ псалмы носятъ, какъ мы видѣли, это названіе, а между тѣмъ и на тѣхъ псалмахъ, гдѣ нѣтъ этого названія, означаются инструменты, на которыхъ нужно играть (44). — И такъ, говоримъ, *мизморъ* собственно означаетъ *пѣніе*, а не игру на музыкальномъ инструментѣ, — потомъ самый голосъ или интонація пѣнія, а не голосъ игры, и — наконецъ, пѣснь самую, которая поется, а не ту, которая играется; и названіе *псаломъ* соотвѣтствуетъ этому слову только потому, что пѣніе сопровождалось иногда музыкою. — Давидъ, какъ образователь церковной музыки и пѣнія, даль, вѣроятно, это названіе тѣмъ пѣснямъ, которыхъ пѣніе сопровождалось аккомпаниментомъ музыкальныхъ инструментовъ; оттого это названіе и не у всѣхъ псалмовъ, и нѣтъ его надъ тѣми, которые или только пѣлись, или только игрались. — Впрочемъ, это одна лишь догадка: музыка и пѣніе въ Давидовомъ хорѣ, ихъ взаимное отношеніе и участіе при богослуженіи и многое другое въ этомъ отношеніи доступны только болѣе или менѣе вѣроятнымъ догадкамъ; для полного уразумѣнія ихъ нѣтъ средствъ.

е) Съ значеніемъ названія *мизморъ* тѣсно совпадаетъ названіе нѣкоторыхъ пѣсней—*шуръ*. Это слово означаетъ *тъснь* всякаго рода и потому въ написаніи одно оно никогда не употребляется, а всегда въ сопоставленіи съ какимъ-либо другимъ словомъ, которое опредѣляетъ, что это такое за пѣснь. Это подробнѣе раскроемъ, когда будемъ говорить о надписяхъ псалмовъ вообще.

Изъ всего этого видно, что всѣ высказанныя названія псалмовъ суть *termini technici* для выраженія частныхъ видовъ священнхъ пѣсней, составляющихъ книгу Псалтирь, и если названіе *тегиллимъ* употребляется въ отношеніи ко всему составу этихъ пѣсней, а названіе *теффиллотъ* въ отношеніи къ цѣлой части псалмовъ Давидовыхъ, то эти названія лишь условныя, происшедшія изъ отношенія свойствъ части къ цѣлому. Точно также *Ψαλτήριον* въ означеніи всей книги и *Ψαλμός* въ наименованіи частныхъ пѣсней книги суть названія условныя, основывающіяся лишь на предположеніи, что всѣ пѣсни, содержащіяся въ книгѣ, пѣты были съ аккомпаниментомъ струнныхъ музыкальныхъ инструментовъ, и потому также — происшедшія изъ отношенія части къ цѣлому.

Общій характеръ псалмовъ тотъ, что они суть лирическія произведенія священнхъ Еврейскихъ поэтовъ. Что мы находимся здѣсь въ области исключительно чувства и сердечныхъ стремленій и порывовъ, это ясно, — впрочемъ, по общности, это понятіе о псалмахъ требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій. Самый бѣглый взглядъ на все собраніе псалмовъ въ Псалтири показываетъ, что это суть выраженія не всякаго рода лирики Еврейской, а собственно лирики религіозной; вотъ почему, можно догадываться, многія лирическія произведенія, напр. Соломона, не вошли въ собраніе пѣсней въ псалтири и не сохранились для послѣдующихъ родовъ, хотя онъ написалъ въ свое время много пѣсней. И такъ, это собраніе произведеній чисто религіозной лирики. Далѣе, эта лирика не есть лирика частная, личная или индивидуальная; это пѣсни всего Израиля, какъ разъ Давидъ назвалъ псалмы свои (2 Цар. 23, 1). Существенный характеръ ихъ — выраженіе общаго міросозерцанія, общихъ стремленій, общихъ интересовъ, вообще, всего общаго въ религіозно-нравственной жизни Израиля въ частномъ; все общество Израильское могло назвать ихъ своимъ собственнымъ выраженіемъ, представленіемъ своей собственной внутренней жизни. Оттого они имѣютъ не только вообще религіозный, но и богослужебный характеръ, — они

были назначаемы для употребленія при общественномъ богослуженіи; а для того, чтобы пѣсни частнаго лица имѣли богослужебное употребленіе, нужно, чтобы это лицо было органомъ всего общества, которому для богослуженія онъ предлагаетъ пѣсни,—чтобы это лицо было носителемъ и выразителемъ не личныхъ, индивидуальныхъ своихъ ощущеній, возрѣній и пр., а дѣлаго общества, чтобы все общество сознавало своими эти пѣсни. Частное, индивидуальное потому должно входить сюда лишь на столько, на сколько оно выражаетъ общее. Дивное художественное соединеніе этого общаго съ частнымъ, личнымъ, является особенно въ псалмахъ Давида, которые писаны по какимъ либо случаямъ, напр., когда онъ убѣгалъ отъ Саула или Авессалома или когда терпѣлъ какое несчастіе и проч.; частный случай всегда возводится здѣсь до общаго понятія, выражающагося какою-либо стороною въ этомъ частномъ случаѣ, и это частное въ соединеніи съ общимъ, но не теряясь въ немъ, раскрывается такъ, что можетъ быть примѣнимо ко всѣмъ частнымъ случаямъ подобнаго рода, и это общее можетъ быть полнымъ выраженіемъ общества въ извѣстномъ отношеніи, такъ что общество псаломъ, составленный по частному случаю, можетъ назвать выраженіемъ своего состоянія въ извѣстномъ родѣ случаевъ или явленій.— Вотъ почему молитва, напр., Манассіи, помѣщенная въ концѣ книгъ Паралипоменонъ, молитва Езекии, находящаяся въ 38 гл. книги Пр. Исаи, молитва Іоны и Аввакума и др. не могли войти въ составъ книги псалмовъ, хотя и онѣ имѣютъ религіозный характеръ; онѣ суть личныя, индивидуальныя выраженія своихъ личныхъ, частныхъ чувствъ и возрѣній, частное въ нихъ не возведено до общаго, и оттого исключительно, — не служитъ выраженіемъ общаго возрѣнія и состоянія, — и потому ихъ молитвы не имѣли богослужебнаго употребленія, какъ общія пѣсни,—подобно находящимся въ Псалтири и—оттого не вошли въ нее. Другое дѣло въ Христіанской Церкви, гдѣ возрѣніе шире, гдѣ и личное священнаго Еврейскаго пѣвца можетъ имѣть приложеніе и быть возведено до общаго,—въ Христіанской Церкви могутъ быть употребляемы, какъ дѣйствительно и употребляются, при богослуженіи и эти пѣсни; но въ Іудейской Церкви именно эта личность, частность, или индивидуальность пѣсней нѣкоторыхъ была одною изъ причинъ, почему не приняты онѣ были въ Псалтирь, какъ собраніе богослужебныхъ пѣсней, и сохранились только какъ историческіе памятники въ истори-

ческихъ книгахъ или историческихъ отдѣленіяхъ пророческихъ книгъ; тогда какъ пѣсни, напримѣръ, Давида, сохраняясь въ историческихъ книгахъ, какъ историческіе памятники, внесены и въ собраніе пѣсней богослужебныхъ, составляющихъ книгу Псалтирь (2 Цар. 22, 2. Псал. 17). И такъ, псалмы—произведенія религиозной лирики, назначенныя для употребленія при общественномъ богослуженіи, какъ выраженіе вообще народныхъ воззрѣній, стремленій, мыслей, чувствъ и пр., однимъ словомъ, какъ выраженія общаго въ частномъ.

Нечего, кажется, и прибавлять къ тому, что въ Псалтирь вошли только такія пѣсни, о которыхъ было извѣстно, что при составленіи ихъ составители пользовались особеннымъ, непосредственнымъ содѣйствіемъ Духа Божественнаго. Что эту принадлежность съ древняго времени считали необходимою для искусства, служащаго святилищу или для употребленія при святилищѣ, это видно изъ книги Исхода, гдѣ Иегова говоритъ, что онъ Веселила, главнаго архитектора скинии, для того, чтобы онъ могъ соорудить ее, исполнилъ Духомъ Своимъ (31, 2—3); тѣмъ болѣе такое исполненіе Духомъ необходимо было для составителей священныхъ пѣсней, употреблявшихся при богослуженіи. И дѣйствительно, основатели священной Еврейской музыки упоминаются писателемъ книгъ Паралипоменонъ, который жилъ и писалъ въ то время, когда была собираема книга Псалмовъ, даже самъ, можетъ быть, принималъ участіе въ составѣ ея, упоминаются, говоримъ,—не какъ простые музыканты, а какъ люди, исполненные Божіею мудростію, какъ пророки, какъ *видцы* (1 Пар. 25, 1—7). Тѣмъ болѣе таковы были сами священные пѣвцы слагатели пѣсней, составляющихъ Псалтирь, изъ коихъ нѣкоторые были вмѣстѣ и музыкантами, о коихъ такъ упоминаетъ писатель книгъ Паралипоменонъ. Давидъ, напримѣръ, самъ о себѣ говоритъ, что онъ писалъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Духа Божія,—что онъ писалъ *въ Духъ*,—это подтвердилъ и Иисусъ Христосъ въ разговорѣ съ фарисеями о 109 псалмѣ (Мат. 22, 41—46). Другой псалмопѣвецъ, Асафъ, называется *видцемъ* или *провидцемъ* (2 Пар. 29, 30). Тоже самое должно сказать и о всѣхъ писателяхъ псалмовъ. Извѣстныя слова Спасителя, сказанныя ученикамъ, шедшимъ въ Еммаусъ,—о *законѣ, и пророкахъ, и псалмахъ*, показываютъ, что и эти послѣдніе писаны подъ такимъ же непосредственнымъ дѣйствіемъ Духа Иеговы, какъ и первые. И такъ, книга псалмовъ есть собраніе боговдохновенныхъ произведеній рели-

гіозной лирики Евреевъ, назначенныхъ для употребленія при общественномъ богослуженіи, изъ которыхъ большая часть, — какъ можно заключать изъ надписаній псалмовъ, — а можетъ быть и всѣ пѣты были съ аккомпаниментомъ музыки.

Какъ произведенія священной, для употребленія при общественномъ Богослуженіи въ назиданіе общества назначенной, лирики, псалмы поэтому самому, представляютъ собою полное выраженіе углубляющагося въ Божественное откровеніе и вносящаго его содержаніе въ жизнь, какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлаго общества Евреевъ, духа, который высказываетъ въ нихъ свои ощущенія и созерцанія, свою внутреннюю религіозную жизнь, въ ея различныхъ проявленіяхъ, въ ея полнотѣ, ясно выразившейся въ частностяхъ. Соотвѣтственно этому характеру своему, они составляютъ самое полное отраженіе, свѣтлое зеркало религіозно-нравственной жизни Евреевъ, въ ея священныя минуты, въ ея святой настроенности, въ ея высокой чистотѣ. Эта религіозная жизнь теократическаго общества и каждаго члена его въ частности возрастала и укоренялась не только на откровеніяхъ и свидѣльствахъ Іеговы въ словѣ и дѣлѣ, но была еще такъ объята и проникнута Богоданнымъ закономъ, что всѣ ея движенія и обнаруженія непремѣнно условливались и даже образовались болѣе или менѣе именно этимъ закономъ. Изъ этихъ-то отношеній закона ветхозавѣтнаго къ жизни и обнаруженіямъ ея образовался извѣстный, опредѣленный характеръ еврейскихъ лирическихъ произведеній, который такъ полно и ясно выражается въ книгѣ Псалмовъ.

Обозначимъ въ краткихъ чертахъ основу жизни теократическаго еврейскаго общества, чтобы потомъ видѣть отраженіе ея въ лирикѣ псалмовъ. Изъ всѣхъ народовъ земли одинъ только еврейскій народъ призванъ былъ въ достояніе Іеговы, въ его собственность, быть народомъ особеннымъ, святымъ народомъ, если онъ будтъ вѣренъ своему завѣту съ Богомъ и будетъ слѣдовать его святымъ заповѣдямъ: „вотъ нынѣ, говорилъ Іегова народу, если слухомъ слушаете вы голоса Моего и сохраните завѣтъ Мой, то будете у Меня людьми избранными изъ всѣхъ народовъ, какіе на землѣ; вы будете для Меня царскимъ священіемъ, языкомъ святымъ“ (Исх. 19, 5. 6). Призваніе Израиля къ такому святому и великому назначенію было со стороны Іеговы дѣломъ свободной любви и благодати, а осуществленіе этого назначенія со стороны народа зависѣло отъ его вѣрности Іеговѣ, который открылъ ему Свою

волю въ откровенномъ законѣ, повелѣвающимъ, общающимъ и карающимъ,—законѣ, чрезъ исполненіе котораго народъ и внутренно и внѣшне освящался, а чрезъ нарушеніе осквернялся. Теперь, когда Израиль хотѣлъ осуществить въ своей жизни это призваніе, выраженное въ законѣ; то прежде всего въ положительныхъ и отрицательныхъ заповѣдяхъ закона, т. е., въ обѣтованіяхъ и угрозахъ или въ повелѣніяхъ и запрещеніяхъ ему должно было представиться предъ глаза противорѣчіе или противоположность между Божественною святостію и чистотою и собственною грѣховностію или скверною. Главное требованіе закона, на которомъ основываются всѣ заповѣди, предписанія и повелѣнія: „будьте святы, какъ святъ Я, Іегова, Господь вашъ“, должно было не только представляться всѣмъ членамъ завѣтнаго народа цѣлю его призванія и идеею его жизни, какъ народа особеннаго, собственнаго Богу; но должно было открыть ему также огромное разстояніе между его настоящимъ состояніемъ и этимъ состояніемъ идеальнымъ, но требуемымъ, открыть великое противорѣчіе, въ которомъ стоитъ его дѣйствительная жизнь съ ея идеею, которую назначено ему осуществить. Но познаніемъ цѣли призванія, дознаніемъ противорѣчія между дѣйствительною жизнію и ея идеею не указывается еще ни путь, по которому, ни средство, которымъ бы человѣкъ могъ достигъ предложенной ему цѣли, уничтожить противорѣчіе и—отъ грѣха, происшедшаго отъ отчужденія отъ Бога, высочайшаго добра, перейти въ истинное блаженное общеніе жизни съ нимъ. Если бы, такимъ образомъ, Богъ далъ только законъ, заповѣди и прещенія; то строгостію и важностію своихъ постановленій Онъ довелъ бы подзаконнаго человѣка лишь до отчаянія и смерти, но не до спасенія и жизни. Оттого завѣтъ, который Іегова Господь постановилъ съ Патріархами и ихъ сѣменемъ, состоялъ не только въ заповѣдяхъ положительныхъ съ обѣтованіями и отрицательныхъ съ угрозами, но ближайшимъ образомъ въ благодатномъ принятіи Израиля въ свое достоиніе, въ свой возлюбленный народъ, которому Онъ открылъ Себя такъ: „Іегова, Господь Богъ вашъ, щедръ и милостивъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ и истиненъ, и правду храняй и творяй милость въ тысящи, отъемляй беззаконія и неправды и грѣхи, и наводяй грѣхи отцевъ на чада и чада чадъ до третьяго и четвертаго рода только ненавидящимъ Мене“ (Исх. 34, 6—7). Закону предшествовало со стороны Іеговы обѣтованіе, заповѣдямъ и запрещеніямъ фактическое

изъявленіе Его вѣрности своему закону и благодати, и—постоянно сопровождалъ эти изъявленія законъ. Закону съ его требованіемъ: *святѣ будете, якоже Азъ святъ есмь, Господь Богъ вашъ и возлюбѣши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею и всею мыслию твоею, и ближняго твоего, якоже себе самого*, этому закону, котораго грѣшникъ собственными силами и средствами выполнить былъ не въ состояніи, сопутствовалъ законъ о жертвахъ, въ которомъ Израилю давалось средство къ очищенію своихъ грѣховъ и примиренію съ Богомъ, и чрезъ своего посредника и ходатая, Первосвященника, приступавшаго къ благодатному Престолу Іеговы, по вѣрѣ, онъ могъ дѣйствительно получить прощеніе своихъ грѣховъ, благодать, миръ и спасеніе. Такъ, завѣтный народъ имѣлъ не только въ законѣ ясное откровеніе святой воли Божіей и вѣрнѣйшее средство къ познанію своего назначенія и могъ во всякое время имъ измѣрять свое отношеніе къ Богу Іеговѣ; но онъ имѣлъ также въ данномъ законѣ же культовомъ устройствѣ извѣстные залого, доступныя средства и, значитъ, вѣрный путь къ достиженію духовнаго общенія жизни съ Іеговою и—на праздникахъ, при совершеніи Пасхи и другихъ жертвоприношеній могъ радоваться и веселиться предъ лицемъ своего святаго и праведнаго Іеговы, не опасаясь Его гнѣва и явленія правды надъ грѣшниками.

Такимъ образомъ, Израилю даны были самимъ же закономъ, слѣдовательно, законныя и, значитъ, совершенно дѣйствительныя условія и средства для достиженія своего назначенія и осуществленія по возможности въ дѣйствительной жизни требованій жизни, сообразной съ призваніемъ, т. е., для воплощенія идеальной религіозно-нравственной жизни въ дѣйствительности. Въ законѣ Моисеевомъ была ему предложена жизнь и смерть, добро и зло, благословеніе и проклятіе, чтобы онъ избралъ добро и жизнь и чрезъ исполненіе святой воли Іеговы дѣлалъ себя участникомъ въ обѣтованіи, что Іегова, его Богъ, хочетъ сдѣлать его высшимъ всѣхъ народовъ, — великимъ и славнымъ, блаженнымъ и благословеннымъ народомъ. Но это избраніе высшаго, это достиженіе идеала религіозной жизни и осуществленія его въ дѣйствительной, при немощи и слабости естественной, не можетъ совершиться безъ сильной и упорной борьбы плоти на духъ и духа на плоть. Самый законъ яснѣйшимъ образомъ обнаруживаетъ эту грѣховность, это поползновеніе ко грѣху: *иръха не знаехъ*, говоритъ одинъ великій вѣдецъ челоуѣческой природы, — *иръха*

не знахъ, точною закономъ; похоти же не въдахъ, аще не бы законъ глаголахъ: не похощеши; вину же, т. е., поводъ,—получивъ грѣхъ посредствомъ заповѣди, содѣла во мнѣ всяку похоть, прельсти мя и тою умертви мя; не еже бо хошу доброе, сіе творю, но еже не хошу—злое, сіе содѣваю; вижду инъ законъ, противувоюущъ закону ума моего и плътняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ; но безъ закона грѣхъ мертвъ есть; азъ живяхъ кромъ закона иногда, пришедшей же заповѣди, грѣхъ яко оживе, азъ же умрохъ, и обрѣтеса ми заповѣдъ, яже въ животъ, сія въ смерть. Вотъ состояніе естественнаго человѣка подъ закономъ и отношеніе его къ закону, чрезъ исполненіе котораго однакоже осуществляется идея религіозно-нравственной жизни въ дѣйствительности. Необходима, говоримъ, при этомъ упорная борьба плоти на духъ, духа же на плоть. Если Іегова не оставлялъ своего народа ни въ какое время безъ наглядныхъ фактическихъ доказательствъ явленія своей правды и святости, равно какъ любви, благодати, истины и вѣрности завѣту своему; если Онъ и послѣ Моисея, чрезъ Своихъ пророковъ, всегда возвѣщаль Свою волю и опредѣленія, — наказываль отступленія и беззаконія, благословляль покаяніе и благочестіе: то народъ, какъ цѣлое, все-таки всегда оставался въ противорѣчьи со своею идеею или назначеніемъ и, наконецъ, такъ предался безбожію и пороку, что праведный Іегова отвергъ его и—только „останокъ спасся“. Вся жизнь этого народа, равно какъ и каждаго лица этого народа, есть сознательная, именно доведенная до сознанія закономъ, борьба добра и зла, духа и плоти,—и чѣмъ яснѣе былъ этотъ законъ, тѣмъ сознательнѣе происходила эта борьба, и этою-то сознательностію отличается она отъ внутренней борьбы всѣхъ другихъ языческихъ народовъ, у которыхъ не такъ ясно, потому что не правильно, понималось это добро и зло и ложно сознавалось назначеніе человѣка.

Въ этой борьбѣ естественной воли съ требованіями воли Божественной, открытой въ законѣ, находился не только народъ, какъ цѣлое, но и каждый отдѣльный членъ, такъ что, можно сказать, исторія народа отражалась въ духовной исторіи каждаго члена этого народа. Даже, чѣмъ выше человѣкъ стоялъ въ развитіи своего религіознаго сознанія, чѣмъ болѣе познаваль законъ, тѣмъ болѣе чувствовалъ онъ эту борьбу,—какъ то почти всегда бываетъ,—что человѣкъ болѣе совершенный чувствуетъ сильнѣе силу несовершенства, и великіе

праведники яснѣе сознають эту нравственную борьбу, — хотя и выходятъ изъ нея побѣдителями. Вотъ задача, предметъ и характеръ священной лирики еврейской, выраженной въ книгѣ Псалмовъ. Въ историческихъ и пророческихъ книгахъ эта борьба народа съ самимъ собою или лучше уклоненія естественной воли отъ воли откровенной въ законѣ, при стремленіи къ достиженію своего назначенія, выраженного въ законѣ, — изображается во внѣшнихъ фактахъ, событіяхъ, въ которыхъ выражается такъ или иначе, болѣе или менѣе ясно эта борьба въ великомъ и цѣломъ: книга Псалмовъ есть изображеніе этой внутренней, невидимой борьбы благочестія съ искушеніями и прелестями злаго начала въ волѣ естественной, борьбы, во всей ея силѣ и напряженіи. Мы видимъ здѣсь благочестивыя души, окруженныя, объятаыя искушеніями сильными и плѣнительными, — стремящіяся со всею силою къ тому, чтобы усвоить себѣ обѣщанныя въ законѣ благословенія — достигнуть этого блаженнаго единенія съ Богомъ, — получить вообще все, что обѣщаетъ законъ исполнителямъ его и, слѣдовательно, осуществить идею своего назначенія въ дѣйствительной жизни, но задерживаемыя грѣховностію, испорченностію, злою волею, и потому состоящія въ борьбѣ съ этимъ зломъ, борьбѣ тѣмъ упорнѣйшей, чѣмъ яснѣе сознается назначеніе и желаніе достигнуть его и сила зла, увлекающая и отклоняющая ихъ отъ этой цѣли. Это — обнаруженіе процесса внутренней борьбы съ стремленіемъ побѣдить злое начало и потому побѣждающее. Изъ Псалмовъ узнаемъ мы существо и силу, дѣйствіе и побѣду открывающагося въ законѣ, руководящаго и оживляющаго исторію народа, Божественнаго начала ветхозавѣтной религіи, которое проникаетъ естественныя силы и природу народа, просвѣщаетъ и влечетъ къ истинному назначенію и въ тоже время освѣщаетъ бореніе, совершающееся отъ этого въ ней и въ благочестивыхъ, побѣду добра надъ зломъ, закона надъ испорченною волею, такъ что Псалтирь, въ богатомъ разнообразіи своихъ пѣсней, живо и наглядно раскрываетъ душу человѣка во всѣхъ ея движеніяхъ религіозно-нравственныхъ и предлагаетъ богатые цвѣты и плоды, которые произрастаетъ жизнь вѣры ветхозавѣтнаго человѣка. Отсюда понятно и это разнообразіе псалмовъ, соотвѣтственно разнообразію душевныхъ состояній праведника, въ его могучей борьбѣ: то сердечныя, умиленные молитвы къ Богу, милосердному и праведному, о пощадѣ и помилованіи; то восторженныя пѣсни въ честь и славу Всемогущаго

и Великаго, творящаго чуда непрерывныя въ народѣ своемъ, содѣлавшаго всю исторію его чудомъ, управляющаго всѣмъ премудро, какъ премудро все совершившаго; то изліянія сердечной благодарности къ Всемилосердому и Всеправедному; то наученіе неразумныхъ путямъ Іеговы, то увѣщаніе, то наставленіе; то надежда на побѣду и свѣтлое будущее и пр. и пр. Вотъ почему всѣ они такъ выражаютъ внутреннее состояніе каждаго человѣка, знающаго волю Іеговы, ревнующаго о своемъ спасеніи и потому находящагося во внутренней, болѣе или менѣе упорной, борьбѣ и сознающаго эту борьбу, — въ нихъ раскрыта вся внутренняя жизнь съ затаенными ея біеніями, стремленіями, обнаруженіями. Вотъ почему не только Еврейское общество признавало ихъ выраженіемъ себя и потому употребляло при общественномъ богослуженіи, но и всѣ, знающіе Іегову, Его законъ и царство, всегда руководствовались и руководствуются ими въ образованіи своей религіозно-нравственной жизни, употребляли и употребляютъ ихъ при своемъ Богослуженіи. Вотъ почему, наконецъ, эта книга заключаетъ въ себѣ все существенное ветхозавѣтнаго домостроительства, содержитъ въ себѣ весь Ветхій Завѣтъ, какъ выражаются древніе толкователи; она есть полное выраженіе религіозно-нравственной жизни теократическаго общества, въ лучшую пору его развитія, и значитъ, ясное отраженіе всего ветхозавѣтнаго домостроительства; это по выраженію одного изъ новыхъ толкователей, „полный, подробный и искренній отвѣтъ Еврейскаго общества на откровенія Іеговы“.

Надписи надъ псалмами, по ихъ значенію, можно раздѣлить на три рода: однѣ изъ нихъ означаютъ общій характеръ пѣсни, напр. молитва, ученіе, хвала и пр.; въ другихъ показываются историческія обстоятельства, послужившія поводомъ къ составленію извѣстныхъ пѣсней, напр. псаломъ Давида, когда онъ бѣжалъ отъ сына своего Авессалома (3), или: плачевная пѣснь Давида, которую онъ воспѣлъ Господу относительно Хуша, изъ племени Веніаминава (7), или: псаломъ Давида, когда онъ былъ въ пустынь Іудейской (62) и пр. Этого рода надписанія встрѣчаются почти исключительно надъ псалмами Давида. Наконецъ, третьяго рода надписи указываютъ на назначеніе извѣстныхъ пѣсней для музыкальных орудій и какого рода, для пѣнія и какого рода и когда. Эти троякаго рода надписи находятся иногда надъ однимъ псалмомъ; надъ нѣкоторыми псалмами поставлена лишь двухъ родовъ надпись, а нерѣдко и одного рода, просто, напр. Пса-

ломъ, Хвала, Пѣснь. О перваго рода надписяхъ, означающихъ общій характеръ пѣсни, мы говорили прежде; втораго рода надписи не требуютъ особаго изслѣдованія, потому что обстоятельства, въ которыхъ написана та или другая пѣснь, извѣстны всѣ изъ книгъ историческихъ Ветхаго Завѣта.

Остается третій разрядъ надписей, показывающихъ назначеніе Псалмовъ, и мы остановимся на нихъ. Впрочемъ, надобно прежде всего замѣтить, что этого рода надписи по большей части темны, еще болѣе затемнены различными переводами и объясненіями, иногда довольно странными, хотя во многихъ отношеніяхъ поучительными и назидательными; а потому рѣшительнаго мнѣнія означеніи ихъ произнести болѣею частію нельзя; о многихъ даже чего-нибудь опредѣленнаго сказать нѣтъ возможности, а потому мы будемъ говорить не о всѣхъ этого рода надписяхъ, а только хотя нѣсколько доступныхъ разумѣнію.

55 Псалмовъ въ Еврейской Псалтири имѣютъ надписаніе—*Lamnezeach*. Слово *менацеахъ* встрѣчается въ Ветхозавѣтныхъ книгахъ въ значеніи—*предстоятель, начальникъ, первенствующій* или *управляющій*; въ такомъ смыслѣ оно употреблено въ сказаніяхъ 2-й кн. Паралипоменонъ о приставникахъ, т. е., начальникахъ работъ при построеніи храма Соломонова (2, 18), о Левитахъ, приставленныхъ смотрѣть надъ „творящими дѣла Господня“ (1 Пар. 23, 4. Езд. 3, 8. 9). Отсюда можно думать, что если слово *менацеахъ* встрѣчается въ надписаніяхъ псалмовъ, пѣсней, назначенныхъ для употребленія при общественномъ Богослуженіи, и притомъ съ аккомпаниментомъ музыкальныхъ орудій, какъ показываютъ нѣкоторыя надписанія: то оно означаетъ начальника музыки или пѣнія, или вообще хора, и *ламнацеахъ* поэтому значить: „начальнику хора“. Такъ переводятъ это слово многіе изъ новѣйшихъ толкователей вслѣдъ за средневѣковыми учеными Евреями—Кимхи, Ярхи, Абень--Езра и др. (мнѣнія древнихъ Евреевъ намъ неизвѣстны); новые переводы псалмовъ на разные языки почти всѣ (не исключая и русскаго перевода) приняли это значеніе слова. Но не такъ думали нѣкоторые древніе, даже и не очень древніе переводчики и толкователи. LXX-тъ перевели это слово—словомъ *εις το τέλος*, въ Вулгатѣ поставлено *in finem*; соотвѣтственно тому, у насъ въ славянскомъ переведено—*въ конецъ*. Изъ другихъ древнихъ переводчиковъ Блаженный Иеронимъ, Акила и Θεодотіонъ перевели это слово словомъ—*побѣдителю*, что, какъ кажется, вы-

ражаетъ нѣсколько мысль нынѣшняго подлинника; *побѣдитель*—первый, лучший, искуснѣйшій, предстоятель или начальникъ; Симмахъ перевелъ—*побѣдная пѣснь*; но это значитъ переводъ—*εις το τέλος, in finem—въ конецъ*? Вотъ что говоритъ объ этомъ одинъ изъ позднѣйшихъ отечественныхъ толкователей: „Въ конецъ, таково надписаніе псалма четвертаго (между прочимъ), въ немъ же обрѣтается нѣкая разность между текстомъ Еврейскимъ и Греческимъ; вмѣсто бо слова сего—*въ конецъ*, съ нынѣшняго Еврейскаго подлинника Блаженный Іеронимъ предложилъ—*побѣдительно*, ему же послѣдуютъ и вси повѣйшіе толкователи. Мы за лучше разсуждаемъ послѣдовати переводу 70 толковниковъ, яко мужей преученыхъ и въ обоихъ языкахъ преискусныхъ, еще же и книги исправнѣйшія имѣвшихъ, тѣмъ паче, что и разумъ словесъ по переводу 70 толковниковъ является быти важнѣйшій. По тексту бо нынѣшнихъ Еврейскихъ книгъ означается, яко сей псаломъ (4) данъ есть побѣдителю въ пѣсняхъ, сирѣчь—начальнѣйшему учителю пѣвцевъ или мужу искуснѣйшему въ пѣніи; которая вещь не толикой является важности, дабы заслуживала внесена быти въ божественныя книги для вѣчныя памяти. По переводу же 70 толковниковъ означается, яко сей псаломъ долженствуетъ пѣтъ быти даже въ конецъ, сирѣчь, всегда или зѣло часто, еже знаменуетъ, яко сей псаломъ единъ есть изъ полезнѣйшихъ. Къ сему присовокупляется и таинственное разумѣніе, яко сей псаломъ ко Христу принадлежитъ, Иже есть кончина закона и пророковъ“. Сверхъ этого, нѣкоторые изъ древнихъ въ надписаніи—*въ конецъ* видятъ еще тотъ смыслъ, что псалмы, надписанные этимъ словомъ, содержатъ въ себѣ пророчества, которыя должны придти въ исполненіе при концѣ вѣковъ (Аѳан. В. Пс. 8). Сказано: *въ конецъ*, замѣчаетъ Св. Аѳанасій при объясненіи этого надписанія въ 8 псалмѣ,—потому, что въ семъ псалмѣ содержится пророчество, имѣющее придти въ исполненіе при концѣ времени. Посему, кажется, *ламнацеахъ* въ Еврейскомъ подлинникѣ и въ переводѣ LXX-ти имѣютъ совершенно различныя значенія. „Сія разность, продолжаетъ упомянутый толкователь, произошла (яко же мнимъ) отъ сходства Еврейскихъ реченій: ибо 70 толковниковъ читали *ламнацеахъ*, еже есть *въ конецъ*; а нынѣшніе Евреи читаютъ *ламнацеахъ*, еже есть—*побѣдительно*, которое слово возшло въ нынѣшній Еврейскій текстъ, безъ сомнѣнія, отъ погрѣшности писцовъ“. Объясненіе разности очень легкое, но едва ли спра-

ведливое. Единственное основаніе этой предполагаемой разности въ спискахъ, которые имѣли подъ руками 70 толковниковъ, съ настоящими списками,—въ разсматриваемомъ надписаніи то, что *въ концеѹ* по Еврейски не *ламнацеахъ*, а *ланнецахъ*, и—что, слѣдовательно, если 70 перевели *въ концеѹ*, то читали не иначе, какъ *ланнецахъ*; но нѣтъ ни одного древняго списка, которымъ бы фактически подтверждалось это чтеніе; это отсутствіе всякихъ фактическихъ основаній дѣластъ невѣроятнымъ высказанное предположеніе о различіи чтеній. Странно же предположить, чтобы только у 70-ти читалось *ланнецахъ* вѣрно, а во всѣхъ остальныхъ было *ламнацеахъ*, и это слово, яко бы неправильное, совершенно вытѣснило правильное чтеніе,—такъ что не дошло до насъ ни одного кодекса съ правильнымъ чтеніемъ, и яко бы мы можемъ догадываться, что истинное чтеніе было *ланнецахъ* потому только, что 70-ть перевели—*въ концеѹ*, а не *начальнику хора*, и еще въ Вульгатѣ поставлено in finem. Повторяемъ, что во всѣхъ древнихъ кодексахъ, по изслѣдованію ученыхъ, стоитъ *ламнацеахъ*, а не *ланнецахъ*, и нѣтъ основаній думать, чтобы послѣднее изъ этихъ словъ всюду замѣнилось первымъ по ошибкамъ писцовъ, тѣмъ менѣе можно подозрѣвать какую-либо неблагонамѣренность въ такомъ замѣненіи, и во всякомъ случаѣ—нельзя объяснить, какъ это такъ случилось, что истинное чтеніе *ланнецахъ* совершенно затерялось, а вмѣсто его всюду появилось *ламнацеахъ*. Отсюда болѣе, чѣмъ вѣроятно, что и LXX читали это надписаніе такъ же, какъ читается оно нынѣ, т. е., *ламнацеахъ*. Но почему же они перевели словомъ—*въ концеѹ*,—не согласно съ значеніемъ Еврейскаго слова?—Вольнодумцы утверждаютъ, что такой переводъ произошелъ или отъ ошибки LXX, а за ними и Вульгаты и разумѣется Славянскаго перевода,—или отъ того, что LXX были вообще люди не искусные въ переводѣ съ еврейскаго на греческій языкъ и не сумѣли передать греческимъ словомъ еврейскаго; думаютъ такъ, опираясь на то, что переводъ LXX-ти во многихъ мѣстахъ не вѣренъ и не точенъ. Если бы это послѣднее было и такъ на самомъ дѣлѣ; то при разсматриваемомъ надписаніи едва ли справедливо вивить LXX въ неправильности перевода, какъ, по видимому, ни согласенъ ихъ переводъ съ подлинникомъ. Скорѣе можно думать, что толкователи перевода LXX-ти не такъ поняли мысль LXX, заключенную въ этомъ словѣ εἰς το τέλος, и потому не такъ толковали ее, чѣмъ полагать, что сами 70-ть или не такъ

читали, или не поняли этого надписанія и потому не правильно передали. Мы согласиѣ въ этомъ отношеніи съ тѣми изъ ученыхъ, которые видятъ согласіе перевода LXX съ еврейскимъ подлинникомъ въ словѣ *ламнацеахъ*, — только уже этотъ переводъ придется объяснить не такъ, какъ въ выше приведенныхъ изъясненіяхъ, да и самое слово *менацеахъ* не ограничивать однимъ значеніемъ *перваго, предстоятеля* или *начальника*, тѣмъ болѣе, что въ значеніи начальника музыки или хора это слово нигдѣ не встрѣчается, и это значеніе придано ему лишь по догадкѣ—что если псалмы надписаны *начальнику*, то значитъ—*начальнику хора*. Въ книгѣ Паралипоменонъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о начальникѣ хора поставлено не *менацеахъ*, а *гасаръ* (1 Пар. 15, 22). Притомъ же, что значило бы это надписаніе—*начальнику хора*? Что этимъ выражалось? Что псаломъ долженъ былъ пѣться и играть въ хорѣ? Но извѣстно, что всѣ псалмы назначены были для общественнаго Богослуженія и, слѣдовательно, быть пѣтыми и игранными на храмовой музыкѣ. Родъ пѣнія и музыки? такъ какъ извѣстно, что Давидъ царь раздѣлилъ хоръ на три класса, каждый съ своимъ особымъ характеромъ пѣнія и музыки.—Но въ такомъ случаѣ точнѣе означалось бы начальнику какого именно хора данъ первоначально псаломъ, чтобы понять характеръ его пѣнія и музыки; притомъ же, родъ музыки прямо означенъ въ нѣкоторыхъ псалмахъ, не зависимо отъ надписанія—*ламнацеахъ*, въ каковомъ случаѣ одно изъ надписаній было бы излишне. Вообще, цѣль и собственное значеніе этого надписанія непонятны, если его принимать въ значеніи начальника хора; кажется, что оно—это надписаніе—было бы совершенно излишне въ этомъ случаѣ или въ этомъ значеніи. Вотъ почему представляется, что *ламнацеахъ* въ надписаніи псалмовъ едва ли означаетъ *начальнику хора*, а имѣетъ другое значеніе, хотя *менацеахъ* и означаетъ предстоятеля или начальника.

Какое же это значеніе? Слово *лацеахъ* о пѣнии и музыкѣ употребляется въ одномъ только мѣстѣ и параллельныхъ съ нимъ—въ 15-й главѣ 1-й книги Паралипоменонъ (19—21). Искуснѣйшіе въ пѣнии Еманъ, Асафъ и Еоамъ для игры (поставлены) на мѣдныхъ кимвалахъ гашміа; Захарія и Азіилъ, Семиримоеъ и Еіилъ, Ананій и Еліавъ, Маасія и Ванея играли на Арфахъ и Аламооеъ; Маттаеія и Елиолей и пр. отлично играли на цитрахъ нацеахъ. Здѣсь, очевидно, означаются роды музыки и кромѣ названій разныхъ ин-

струментовъ употреблены два слова, выражающія отличительный характеръ этихъ родовъ музыки—гашміа и нацеахъ, и какъ бы противопологающіяся одно другому. Первымъ словомъ - *гашміа*—означается игра на металлическихъ кимвалахъ или литаврахъ и эта игра была принадлежностію троиныхъ начальниковъ музыки: Емана, Асаѳа и Еоама; другимъ же словомъ - *нацеахъ* означается игра на арфахъ и цитрахъ (а равно и на прочихъ струнныхъ инструментахъ), на которыхъ играли прочіе пѣвцы и музыканты хора, кромѣ троиныхъ помянутыхъ начальниковъ. Отличительный характеръ игры перваго рода, на кимвалахъ мѣдныхъ, состоялъ въ томъ, что она, какъ игра на громкомъ инструментѣ, прерывала, гдѣ то нужно, и заключала игру на прочихъ инструментахъ, или подавала знакъ, гдѣ нужно, остановить игру или переимѣнить что-либо; потому-то она и была принадлежностію лишь начальниковъ музыкальнаго хора; посредствомъ ея и прочіе инструменты управлялись въ отношеніи такта и метра, и она служила при этомъ для интермедій. Можно потому думать, что слово *гашміа* было техническимъ терминомъ для этого рода игры на этихъ неструнныхъ музыкальныхъ орудіяхъ, служившихъ для интермедій. Другой родъ игры, означаемый словомъ *нацеахъ*, какъ бы противоположный первому, значитъ, можно опредѣлить какъ игру безъ интермедій и эпилоговъ, игру плавную, равную, одинаковую отъ начала пьесы до конца, можетъ быть, какъ догадываются, такую игру, въ которой отъ начала до конца повторяется одинъ лишь музыкальный мотивъ, подобный нашему *пѣнію на гласъ*. Соответственно этому, *ламнацеахъ* въ надписаніи псалмовъ значитъ—для игры однообразной отъ начала псалма до конца безъ интермедій, въ отличіе отъ другой игры - *гашміа*, игры съ интермедіями, перерывами, разнообразіемъ мелодій и эпилогами. Вотъ почему, можно думать, не всѣ псалмы означены или надписаны этимъ словомъ, хотя и всѣ назначены были для употребленія при общественномъ Богослуженіи, для пѣнія и игры на музыкальныхъ инструментахъ; другіе псалмы, не имѣющіе этого надписанія, были пѣты и играны иначе; для нихъ былъ другой родъ музыки священной. При такомъ объясненіи этого надписанія, переводъ LXX выходитъ вѣрнѣе всѣхъ прочихъ переводовъ. *Еіς το τέλος* на классическомъ языкѣ значитъ *до конца, постоянно, непрерывно*. Въ такомъ смыслѣ LXX употребляли это слово въ различныхъ мѣстахъ своего перевода священныхъ книгъ, даже и въ псалмахъ, переводя имъ еврей-

ское *ланнецахъ*. Потому въ переводѣ ихъ εἰς τὰ τέλος не означаетъ *навсегда*, на всѣ времена или до конца времени; для означенія этого понятія Греческіе классики употребляли не εἰς τὸ τέλος, а διὰ τέλους; это же слово употребили бы и LXX, если бы имѣли въ намѣреніи выразить понятіе— до конца времени; нѣтъ, LXX выразили этимъ словомъ значеніе еврейскаго *нацеахъ*—родъ игры на музыкальномъ инструментѣ, въ которомъ отъ начала до конца псалма идетъ одинъ и тотъ же мотивъ, безъ внезапныхъ интермедій и эпилоговъ. Въ слѣдствіе этого, можно сказать, что переводъ LXX выражаетъ мысль подлинника и отнюдь не произошелъ отъ различія чтеній, и что этотъ переводъ, при томъ значеніи, какое мы приписываемъ ему, гораздо вѣрнѣе прочихъ, болѣе новыхъ переводовъ рассматриваемаго надписанія— *начальнику хора* или *побѣдителю*.

Въ надписаніяхъ псалмовъ указаны и музыкальные инструменты, при аккомпаниментѣ которыхъ должны быть пѣты псалмы. Какъ видно, не всѣ псалмы были играны цѣлымъ музыкальнымъ хоромъ на всѣхъ инструментахъ, какіе были въ хорѣ, или, по крайней мѣрѣ, что музыка псалмовъ нѣкоторыхъ приспособлена была главнымъ образомъ лишь къ нѣкоторымъ инструментамъ, даже не рѣдко къ одному, за которымъ уже слѣдовалъ и прочій хоръ. Въ надписаніяхъ отличаются струнные музыкальные инструменты отъ духовыхъ: первые называются *негинотъ* (4), послѣдніе— *нехилотъ* (5). Слово *негинотъ* LXX-ть перевели ἐν ὄμοις, Вульгата— in carminibus, у насъ въ славянскомъ переведено— *въ пѣсняхъ*. Откуда произошелъ такой переводъ— не извѣстно. Еще страннѣе кажется переводъ слова *нехилотъ*— о *наслѣдствующемъ* или о *наслѣдствующей*, ὅπερ κληρονομίης, въ Вульгатѣ pro ea, quae haereditatem consequitur (5). Значеніе этого надписанія, по переводу LXX, объясняютъ такъ, что въ псалмахъ, надписанныхъ этимъ словомъ, содержится пророчество о Церкви Христіанской, или эти псалмы суть молитвы Церкви вообще и всякой христіанской души въ частности „Наслѣдствующій, говоритъ Св. Аѳанасій, есть боголюбивая душа или Церковь. Что же она наслѣдуетъ? Ихъ же око не видѣ и ухо не слыша и на сердцѣ чловѣку не въздоша“. Блаженный Теодоритъ, при объясненіи этого надписанія на 5-мъ псалмѣ, говоритъ: такъ перевели сіе надписаніе и прочіе. Посему явно, что наслѣдствующею слово Божіе называетъ вообще Церковь Божію, а въ частности душу, живущую благочестиво: ибо,

какъ слышали, и Господь говорить въ Евангеліи: прїидите благословеннїи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенїа міра. И божественный Павелъ говорить тоже: Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божїа; аще же чада—и наслѣдницы, наслѣдницы убо Богу, сонаслѣдницы же Христу. Но въ Божественномъ Писанїи, прибавляетъ блаженный, можно найти и иныя многія подобныя мѣста, руководствуясь которыми, въ состоянїи будемъ уразумѣть смыслъ сего псалма, т. е., надписаннаго — „о наслѣдствующемъ“. Подъ именемъ „наслѣдствующаго“, говоритъ одинъ изъ нашихъ толкователей, разумѣется народъ христіанскїй, въ наслѣдіе вѣчнаго царствїа заслугами и кровїю Христовою предопредѣленный. Сей убо псаломъ, т. е. 5-й, сложенъ есть въ лицѣ Св. Церкви о наслѣдїи живота вѣчнаго молящїася. А понеже Церковь подобна есть горлицѣ, непрестанно степенующей и чистоту сохраняющей: сего ради Церковь въ семъ Псалмѣ, подражая горлицѣ, ово молится, ово грѣха отвращается. Еже творити должныствуютъ вси, принадлежащїи къ горлицѣ, сирѣчь къ Церкви; тако бо соединяемся съ Богомъ; въ немъ же состоитъ наслѣдіе наше. Съ нынѣшняго еврейскаго подлинника, какъ мы замѣтили, нужно перевести — на *духовыхъ музыкальныхъ*, т. е., инструментахъ. Различїе перевода LXX отъ подлинника произошло вѣроятно отъ того, что это слово — *нехилотъ* можно производить отъ двухъ корней; изъ которыхъ одинъ имѣетъ значенїе — *достигать, получить, наслѣдовать*, а другой — *играть на флейтѣ* или другомъ духовомъ музыкальномъ инструментѣ.

Нѣсколько псалмовъ (между прочимъ 6-й) надписываются *ламнацеахъ*, т. е., для непрерывнаго пѣнїа и игры, *бинешнотъ*, т. е., на струнныхъ музыкальныхъ инструментахъ, *алгаишемишитъ*. О значенїи этого послѣдняго надписанїа толкователи весьма разногласятъ между собою. Большая часть ихъ полагаетъ, что этимъ словомъ означаетъ музыкальный инструментъ обь 8 струнахъ. Такъ переведено это слово и въ нѣкоторыхъ, особенно новѣйшихъ, переводахъ, между прочимъ въ нашемъ русскомъ. Другїе хотятъ доказать, что имъ указывается не на инструментъ, а на самый характеръ музыки или, лучше, на тоны музыки, которыхъ равнины насчитывали 8, и разумѣютъ подъ этимъ 8-й тонъ. Что справедливо, доказать не беремся. LXX перевели это слово такъ: *ὑπερ τῆς οὐδοῦς*, Вулгата: — *pro octavo*, папъ славянскїй, вѣрный LXX-ти, о *осьмомъ*. Древнїе толкователи слѣдующимъ обра-

зомъ опредѣляютъ значеніе этого надписанія по LXX-ти. Св. Аѳанасій говоритъ: „восьмой не иное что значить, какъ день воскресенія, въ который воспримемъ плоды трудовъ своихъ, когда враги со стыдомъ и смятеніемъ обратятся вспять“. Еще подробнѣе раскрываетъ этотъ смыслъ Блаженный Θεодоритъ: „Восьмымъ, говоритъ онъ, пророческое слово называетъ будущее состояніе. Поелику настоящая жизнь круговращается въ 7 дняхъ недѣли; время, начинаясь первымъ днемъ, седмицы и оканчиваясь седьмымъ, снова возвращается къ первому дню и, такимъ образомъ, доходитъ до седьмого: то вѣкъ, который вѣтъ сего седмидневнаго числа, слово Божіе справедливо наименовало восьмымъ. Упоминается же въ семъ псалмѣ, т. е. 6-мъ, о смерти и о судѣ. Почему пророкъ и сдѣлалъ такое надписаніе“. При объясненіи того же надписанія надъ 11 псалмомъ, онъ говоритъ еще: „надписаніе же имѣеть псаломъ сей— о осмѣй, какъ упоминающій о праведномъ судѣ Божіемъ, каковой праведный Судія произведетъ послѣ седмицы временъ. Потому псаломъ сей надписывается еще— въ коней такъ какъ предреченіе исполнится на послѣдокъ временъ“. Въ нашей Толковой Псалтири говорится: „подъ именемъ осьмага разумѣется или нѣкоторый родъ мусикійскаго осмоструннаго орудія, на немъ же пѣвцы Давидовы пѣли Псаломъ сей; или, по таинственному разумѣнію, день страшнаго суда Господня, иже будетъ осьмый, зане воспослѣдуетъ по шести днехъ многотруднаго житія сего, и по седьмомъ, иже есть суббота, сирѣчь упокоеніе душъ“.

Далѣе, нѣсколько псалмовъ (между прочимъ, 8-й) надписывается, кромѣ извѣстнаго *ламнацеахъ*, еще ал— *галтитъ*, и это надписаніе объясняютъ различнымъ образомъ: большею частію думаютъ, что это слово означаетъ музыкальный *Геоскій* инструментъ. Изъ древнихъ этого мнѣнія держался Θεодотіонъ въ своемъ переводѣ; такъ же поставлено и въ нашемъ русскомъ переводѣ. LXX перевели *οτερ τῶν ὑψῶν*; въ Вулгатѣ поставлено *pro tarcularibus*; у насъ въ славянскомъ— *точильхъ*. Какой смыслъ этого надписанія? „Псаломъ, говоритъ одинъ изъ древнихъ толкователей, надписанъ о *точильхъ* потому, что говоритъ о Христѣ и о Церквяхъ по вочеловѣченіи, такъ какъ и Единородный называется лозою, а вѣрные Его рождіемъ. Какъ древле, въ подзаконномъ служеніи было одно предточилие, т. е., жертвенникъ во храмѣ, такъ по призваніи язычниковъ точилъ много и это суть Церкви, собирающія плоды преуспѣвающихъ въ благочестіи. Точно

тоже должно сказать и о другихъ псалмахъ, такъ надписанныхъ“. „Точилами, говоритъ другой толкователь, Пророкъ называетъ церкви потому, что и Господь называется виноградною лозою: ибо Самъ сказалъ въ священномъ Евангеліи: *Азъ есмь лоза истинная*. Съ нея собирая грозды, вѣрующіе уготовляютъ таинственное вино. Великимъ же, продолжаетъ толкователь, служить сіе обвиненіемъ невѣрію Иудеевъ: ибо они, слыша о множествѣ точиль, и ясно зная, что имъ дано было единое нѣкое точило, вѣрише же сказать—не точило, а предточиліе, не хотятъ уразумѣть, что ветхое прекратилось, явилась же благодать новаго завѣта, призывающая ко спасенію всѣхъ людей. Посему-то не къ Ветхому закону, не при единомъ жертвенникѣ іереи ввергаютъ въ точило плоды человѣческіе, но тмочисленные, превышающіе всякое число воздвигнуты алтари повсюду, на сушѣ и на морѣ. Яснѣе показываетъ это 83-й Псаломъ, потому что и онъ, имѣя надписаніемъ о точильхъ, упомянулъ о многихъ алтаряхъ, въ немъ сказано: *коль возлюбленна селенія Твоя Господи силъ? желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни*, и чрезъ нѣсколько словъ—*алтари Твоя Господи силъ*. И осмой Псаломъ, надписанный о точильхъ, предрекаетъ спасеніе вселенной, показываетъ попечительность Божію о людяхъ и предсказываетъ вочеловѣченіе Единороднаго“. Еще нѣкоторые изъ толкователей подъ *точилами* разумѣютъ мученія мучениковъ Христіанской Церкви и псалмы, надписанныя такъ, трактуютъ какъ псалмы, пророчествующіе о мученикахъ. Наша Толковая Псалтирь даетъ новое объясненіе этому надписанію. „Что значить—*о точильхъ*, трудно уразумѣть; разумѣющіи бо чрезъ сіе Церковь или мученичества не собственно толкуютъ. Примѣчается таковая надпись *о точильхъ* въ трехъ псалмахъ, принадлежащихъ особеннѣ до любви Божіа, а имянно—въ осмомъ, его же начало изъясняетъ великую любовь къ Богу: *Господи Господь нашъ, яко чудно имя Твое по всей землі*; и въ псалмѣ 80-мъ, его же содержаніемъ есть увѣщаніе къ духовному торжеству: *радуйтесь Богу, Помощнику нашему, воскликните Богу Іаковлю*; наконецъ—въ псалмѣ 83-мъ, его же начало и продолженіе исполнено есть теплая любовь къ Богу: *коль возлюбленна селенія Твоя...* Отъ содержанія убо псалмовъ сихъ доразумѣваться можемъ, яко не неприлично полагается въ надписѣхъ слово сіе—*о точильхъ*: таковыя бо Псалмы зѣло способствуютъ къ источенію вина Божественнаго любви изъ сердець человѣческихъ, или, яко съ веселіемъ

и воскликновениемъ сердца достойни суть пѣты быти, яко же обычай имуть веселитися и пѣти во время собиранія винограда, изъемлющій великое изобиліе вина изъ точиль“. Причина различія значеній этого надписанія лежитъ, кажется, въ томъ, что корень слова *gagittimъ*—*gatz* означаетъ *точно* и это имя носилъ городъ Гатъ или Геѣъ филистимскій, вѣроятно, потому, что богатъ былъ виноградными садами. LXX удержали собственное, буквальное значеніе слова и перевели— *о точильцѣхъ*; другіе, обращая вниманіе на названіе города Геѣа—*gatz* вывели заключеніе, что вѣроятно эта надпись означаетъ Геѣскій музыкальный инструментъ, и вышло разногласіе. Еще дѣлаютъ такого рода догадку въ объясненіе этого надписанія: не означается ли этимъ словомъ извѣстный музыкальный характеръ Псалмовъ? не было ли особаго рода пѣсней съ особымъ напѣвомъ, которыя употреблялись во время собиранія винограда и добыванія изъ него вина посредствомъ точиль, и не назывался ли этотъ напѣвъ по имени точиль *gagittimъ*, и не на него ли указываетъ надписаніе? Но трудно думать, чтобы Псаломъ, назначенный для употребленія при Богослуженіи, былъ пѣтъ на голосъ пѣсней, употреблявшихся при собираніи винограда. Болѣе вѣроятія заслуживаетъ то предположеніе, что эти псалмы пѣты были особенно въ праздникъ новыхъ плодовъ, когда приносили въ жертву Іеговѣ начатокъ новыхъ плодовъ или стяжаній, а извѣстно, что виноградъ и добываемое изъ него вино были однимъ изъ важныхъ стяжаній Евреевъ. Свѣтлое, радостно-творное чувство и тонъ этихъ Псалмовъ весьма согласуются съ этимъ временемъ и торжествомъ.

III. О книгѣ Притчей.

I. Книга Псалмовъ, какъ сказали мы въ своемъ мѣстѣ, есть собраніе лирическихъ пѣснопѣній Еврейскаго народа со стороны отраженія общихъ религіозныхъ возрѣній народа; это чувства благочестиваго человѣка Еврея въ отвѣтъ на запросы закона и исторіи; это—ясное отраженіе внутренней, сердечной религіозной жизни Еврейскаго духа, въ которомъ видно, какъ чувствовалъ себя истинный Еврей надъ закономъ и непосредственною теократіею. Книга Притчей Соломоновыхъ есть также отраженіе духовной жизни Еврейскаго народа, также отголосокъ на запросы закона и исторіи, только не исключительно сердца и чувства, но ума и мысли; это плоды мудро-